

ОБЫЧАИ И НРАВЫ

НАРОДОВ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

БЫТ И НРАВЫ. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Николай Иванович Костомаров

Обычаи и нравы народов государства Российского

Серия «Быт и нравы.
История культуры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7603050

Обычаи и нравы народов государства Российского / Н.И. Костомаров:

АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-110979-0

Аннотация

Эта книга о жизни и быте народов Московского государства XVI–XVII вв. Читатель найдет здесь увлекательные истории о нравах людей этого времени, каковы были их интеллектуальные и материальные потребности и интересы. Что ели, во что одевались, что выращивали в своих садах и огородах, как лечились, справляли свадьбы и воспитывали детей. Семейные традиции и обряды, увеселения и обычаи хозяйствования, торговля и домоводство.

В книгу вошли работы выдающегося историка, этнографа, писателя, критика XIX века Н. И. Костомарова – «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII

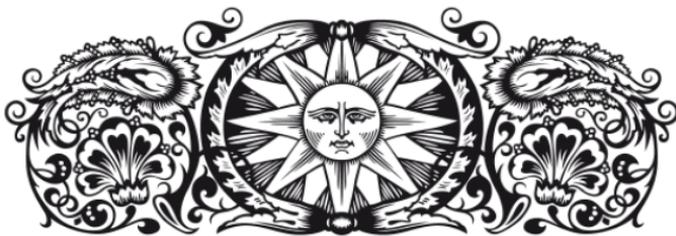
столетиях» и «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях».

Содержание

Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях[1]	5
I	6
II	14
III	31
IV	45
V	53
VI	56
VII	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Николай Иванович
Костомаров**
**Обычай и нравы народов
государства Российского**

**Очерк домашней жизни
и нравов великорусского
народа в XVI и XVII столетиях¹**

¹ Текст обработан в соответствии с нормами современного русского языка.

I

Жилые местности

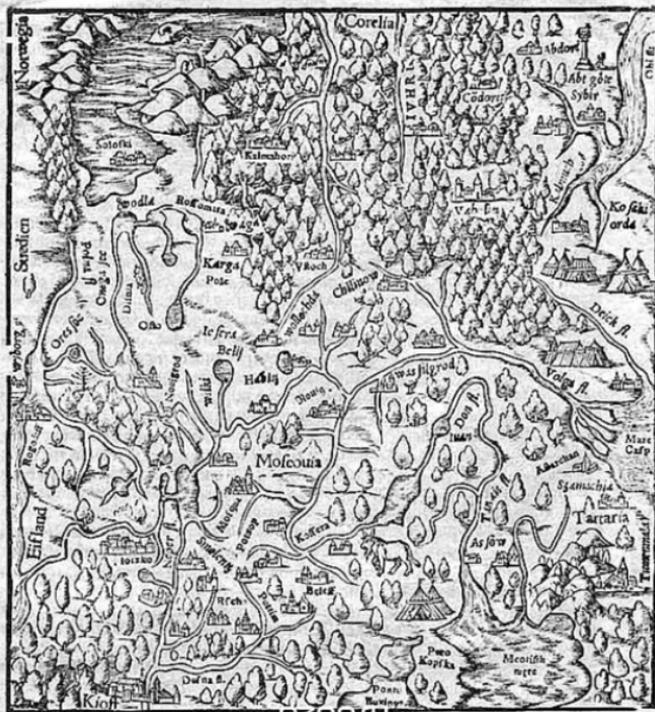
Жилые местности в старой Руси были: город, пригород, посад, слобода, погост, село, сельцо, деревня, починок.

Название «город» принималось в различных смыслах. Первоначально это слово значило огороженное место, то есть то, что ныне ограда, огорожа. В старые богатырские времена людским жилищам часто угрожали то нашествия чужих, то свои домашние неприятели, при частых неурядицах и междоусобицах, поэтому их старались укреплять – огораживать. Для такой важной цели достаточно было тогда плетня или частокола, поэтому одно и то же слово город (огород, город) в смысле огорожки означало и огорожу, охранявшую домашнее жильё от животных, и твердыню – от неприятельского нашествия. Местности, где укрепления представ-

ляли больше надежды на безопасность в случае внешних нападений, сделались центрами прилива народонаселения: одни селились в самих городах, другие поблизости к ним, чтоб иметь возможность убежать в охранное место, когда наступит опасность. Все больше или меньше имели нужду в городах; отсюда возникло, что города получили значение преимущества пред неукрепленными поселениями и последние подпадали им в зависимость, которая, по духу того времени, когда владычествовала сила, заменялась часто и легко порабощением. Но не все города имели равное достоинство по своей крепости: крепчайшие делались центром власти, и им подчинялись другие. Тогда между городами образовались два рода – старшие и младшие, сильнейшие и слабейшие, или города и пригороды. В связи со стратегическими условиями подчинению меньших городов большим способствовали исторические обстоятельства народной жизни. Таким образом, собственно слово город начало означать господствующее место – столицу над краем, заключавшим несколько пригородов, сел, деревень. Так, Киев был городом земли полян или Земли Русской, Чернигов – городом Земли Северной, Новгород – Земли Новгородской, Псков – Земли Псковской, Хлынов – Земли Вятской, а Вышгород, Белгород были пригороды Киева, Ладога – пригород Новгорода, Изборск – пригород Пскова и т. д. Когда отдельные части Восточной Руси сплотились между собою, Москва получила смысл города всей Русской земли, – но тогда самое сло-

во «город» изменило прежнее значение. Городом не называлось уже главное правительственное место, где находился центр правления, напротив, это слово начали употреблять в обратном смысле. Москва называлась Москвою: собственное имя ее нередко принималось нарицательным именем русской столицы; говорилось: «на Москве и в городах», как теперь говорится: в столице и провинциях. В XVI и XVII веках название «город» сохраняло два значения: укрепленной местности и административного провинциального пункта. В городах происходило соприкосновение народа с властью; там была складка военной силы, которой поручен край для охранения; туда стекались государственные доходы, вносимые краем, наконец, там жители края искали убежища во время военных опасностей.

Don den Moscovycern.

Карта Московии.

По мере расширения народонаселения возникали города один за другим и, согласно благоприятным условиям, одни получали пред другими преимущества в отношении важности своей. Таким образом, города были большие и меньшие, и большие начальствовали над последними. Кроме городов постоянно населенных существовали еще укрепленные места, называемые острогами; они находились преиму-

щественно в отдаленных от средоточия власти пограничных и малонаселенных областях, были вообще меньше городов и часто не имели постоянного населения: из городов посылались туда служилые люди для стражи, на перемену. Мало-помалу, смотря по надобности, эти остроги или острожки обращались в города.

Посадом называлось то, что теперь мы привыкли называть городом, и название «посадский человек» означало то же, что теперь мещанин. Посады были пунктами торговой и промышленной деятельности. Они строились близ городов, так что город находился посреди посада и в этом смысле назывался кремлем, а посад раскидывался около него. Часто город был на горе, а посад внизу. В местах, где жителям посада опасно было оставаться в своих жилищах без защиты, посады обводились валами, стенами и рвами. У нас в отношении посада к городу было то же, что на западе; то, что у нас называлось посад, – на западе было city, cite, stadt, miasto, mesto, и то, что на западе было Bourg, borgo, bourgh, barg, hrad, grod, у нас называлось город, а в древности град. То же было в древнем классическом мире: так, акрополис был град Афин, а самые Афины около него посадом. В нашей старой Руси поселение, подобное тому, что в настоящее время называется городом, состояло нередко из трех частей: град или город, посад и слободы. Посад разделяется на две части: острог, или укрепленная часть околгородного поселения, и поселок вне острога, или собственно посад, а за ним слобо-

ды. И теперь в землях турецких славян та же троичность: град, соответствующий нашему городу, варош – острог и паланка – поселение за укреплением, которое может, смотря по местным обстоятельствам, соответствовать нашему посаду или слободам.

Слободами первоначально назывались поселения, жители которых пользовались какими-нибудь особенными условиями; но так как эти условия давались обществам, которых деятельность посвящена была определительно каким-нибудь особым занятиям, то за такими обществами преимущественно удерживались названия слобод. Они были большею частью около посадов и городов.

Погост, село, сельцо, деревня, поселок, займище были поселениями земледельческого класса. В древности погостом называлось поселение с церковью, при которой всегда сосредоточивались сношения окрестных жителей и устанавливался административный центр. Но когда число церквей умножилось и таких поселений стало много, они, естественно, начали утрачивать прежнее преимущественное значение и назывались вообще только селами. Слово «погост», бывшее некогда в повсеместном употреблении, в XVI и XVII веках сохранилось только в Новгородской земле, в смысле большого села со средоточием администрации для окрестного края. Различие между селом и сельцом заключалось только в величине их. Деревни были поселениями без церквей. Починки были маленькие деревушки, недавно заселенные. Займище

было небольшое поселение на дикой земле, занятое обыкновенно одним двором. Когда к этому двору присоединялись другие, то из займища образовывался починок; починок по прошествии времени, которое лишало его значения новизны, и по мере возраставшего населения переименовывался в деревню; а, наконец, с постройкою церкви деревня изменялась в сельцо и, с умножением народонаселения, в село. Жилые земледельческие местности без церквей и даже небольшие сельца принадлежали к селам. Такая принадлежность одних местностей другим не была только административным распоряжением, а истекала из образа их основания, ибо новые поселения основывались посредством выселков из старых. Из сел выходило несколько семейств: основывали деревню; когда она значительно возрастала или же находились в ней зажиточные люди, чтоб построить церковь (так как в то время это было не трудно по обилию леса и по невзыскательности церковной архитектуры), деревня превращалась в сельцо, потом в село. В свою очередь, из нового села выходили жители и основывали починок и деревню, превращавшиеся, в свою очередь, в сельца и села и т. д. Первое родоначальное село удерживало старшинство над своими выселками и оставалось между ними центром сношений, по крайней мере до тех пор, пока время не изглаживало из памяти этой старинной исторической связи. Таким образом, в Новгородской земле погосты, в смысле первенствующих поселений, были старые поселения со старыми церквами, а села с но-

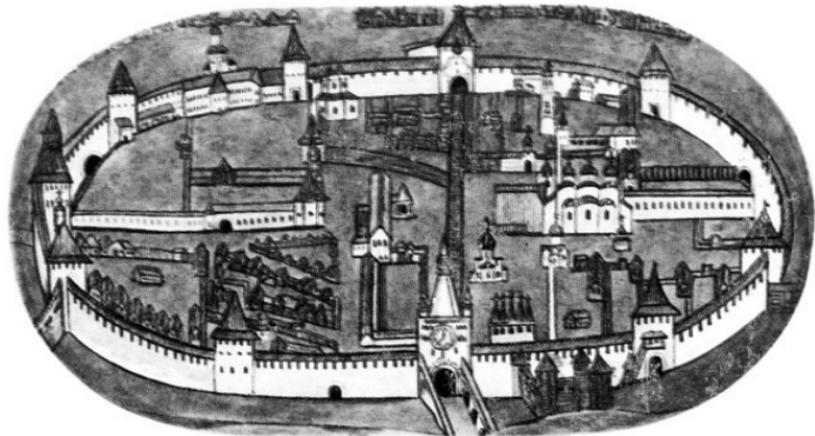
вопостроенными церквами были их выселками. Смотри по историческим обстоятельствам, изменявшим движение народонаселения, и по относительной быстроте его размножения, эта связь поселений удерживалась долее или ослаблялась скорее.

II Города

Потребность возведения городов возрастала у нас вместе с расширением пределов русского мира. Города заводились прежде, чем поселения; в местах незаселенных, чтоб дать возможность жителям существовать на новоселье, надобно было приготовить для них оборону. Таким образом, южные степи Московского государства не иначе заселялись, как под прикрытием множества городов, городков, острогов, засек и всякого рода укреплений; в низовьях Волги долгое время только города, уединенно стоявшие на сотни верст один от

другого, указывали на господство русской державы в безлюдной земле. В Сибири каждый шаг подчинения земель власти государя сопровождался постройкою городов и острогов. Повсюду в XVI и XVII веках постройка городов была одною из первых забот правительства и городское дело важнейшею из повинностей всего народа. Когда в старых актах говорится о постройке городов, то разумеется под этим возведение и устройство укреплений, и в этом случае самое слово «город» означало ограду, а не то, что находилось в ней; говорилось: города каменные (включая в это название и кирпичные), города деревянные и земляные. В XVI веке каменных и кирпичных оград было чрезвычайно мало, исключая монастырские стены, которые чаще, чем городские, делались из кирпича. При Михаиле Федоровиче, после того как Смутные времена показали ненадежность деревянных твердынь, ощутительная потребность охранения государства от всех сторон побуждала выписывать из Голландии мастеров для каменных построек. Как медленно шло это дело, можно видеть из того, что в Астрахани, несмотря на ее одинокое и небезопасное положение, прежде 1625 года не было каменных стен.

План Новгородского Кремля, часть иконы XVI века, иллюстрация из «Иллюстрированной истории СССР», 1977 г.

При Алексее Михайловиче, по свидетельству Котошихина, во всем Московском государстве были, исключая монастыри, в двадцати городах каменные или кирпичные укрепления; но это число, кажется, преувеличено; по крайней мере, собирая рассеянные известия того времени по этому предмету, едва ли можно насчитать их столько (Москва, Новгород, Ладога, Псков, Смоленск, Тула, Нижний, Казань, Астрахань, Яик, Ярославль, Путивль, Вологда, Полоцк). Вообще же бесчисленные города, усевавшие пространство русских владений, были с укреплениями деревянными или земляными, то есть с валами и с тыном по валу. Города располагались так, чтоб около них находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стены, а ино-

гда и несколько сторон примыкали к озеру, пруду или болоту; с других сторон, менее безопасных местоположением, под стенами проводился ров. По большей части деревянные укрепления соединялись с земляными разным способом: например, насыпался вал или осыпь, а на осыпи устраивалась деревянная стена или тын; или же стена стояла на плоской земле, но за нею следовала осыпь; или же деревянные стены были присыпаны хрящем, то есть кучею камней, песку и земли. Простые остроги или острожки делались без оспей, и их деревянные стены были ограждены только рвами. Часто город, окруженный деревянной стеною и рвом, был еще раз обведен осыпью или деревянною стеною – так называемым острогом, а между городом и острогом находилось поселение. Такое городовое расположение было и в самой Москве: Кремль с Китай-городом составлял сердцевину столицы; на значительном промежутке от них была проведена кругом другая стена так называемого Белого города; далее, также после значительного промежутка, земляной вал, обшитый деревянною стеною. Подобное устройство было и в других городах: в Казани был каменный кремль, а за ним следовал посад, окруженный острожною деревянною стеною; в Астрахани также был каменный кремль, а его окружала другая каменная стена, соединявшаяся с кремлевскою вдоль Волги, и промежуток между кремлевскою стеною и этою последнею назывался, как и в Москве, Белым городом. В Пскове среднее укрепление называлось Детинец: оно сто-

яло в углу, образуемом рекою Великою и впадающею в нее Псковою. От угла, противоположного той стороне, где была Великая, шла стена вдоль реки Псковы и упиралась в башню; от этой башни в обе стороны шли стены, огибавшие город, построенный на двух сторонах реки Псковы; эти стены сходились к двум углам Детинца на берегу реки Великой. Сверх того в середине города, на левой стороне Псковы, в сторону от Детинца, существовал еще один внутренний город, называемый Кром, а за пределами большой внешней стены, огибавшей весь город, был ров, за которым расположено было многолюдное поселение, называемое Застенье, обведенное деревянною стеною.

В Новгороде на Софийской стороне был каменный город, окруженный земляным валом; между тем и другим находилась посад; укрепления земляного города шли неправильными линиями, то приближаясь к каменному, то удаляясь от него; за пределами земляного расположены были поселения, тоже в древности еще раз обведенные стеною, а на Торговой стороне был другой город с башнями и рвом. Некоторые монастыри (они вообще в тот век были твердынями) имели такую же форму укреплений; например, в Кирилловском в начале XVII века была кругом монастырского строения каменная стена, а подалее, на значительном от нее расстоянии, по тому же направлению, эту каменную стену окружала деревянная острожная стена, за которою с внешней стороны проходил вокруг нее ров. Во множестве небольших городов был такой же порядок; за стеною, обыкновенно деревянную, опоясанную рвом по наружной стороне, часть посада, иногда же и весь посад охранялся другою стеною, острожною.

Как каменные, так и деревянные стены не составляли правильных очертаний; так, например, в одном деревянном городе стена в одном месте суживалась до 31 сажени, а в другом расширялась до 98. Почти всегда город в одних местах был шире, в других, параллельных первым, – уже. Окружность городов соразмерялась с местоположением и важною города. В Новгороде, например, каменный город был в

четыреста девяносто восемь саженей кругом, земляной – в семьсот двенадцать, деревянный – в две тысячи четыреста шесть. Окружность астраханского каменного города заключала тысячу семнадцать саженей. В других местах мы встречаем окружность второстепенных городов в сто двенадцать, в сто восемьдесят четыре, в триста девяносто пять, в пятьсот пятьдесят сажен и так далее.

В каменных стенах всегда делались наверху зубцы, такие высокие, что иногда занимали более трети вышины всей стены. По протяжению всей стены возвышались башни, в каменных городах каменные, в деревянных и земляных деревянные; но случалось, что при деревянных городских стенах башни были каменные, как, например, в Ярославле (Кн. Больш. Черт.). Кроме башен в стенах делались различной формы выступы, носившие названия: городни, выводы, костры, кружала (круглые выемки, где обыкновенно помещались кладовые со входами изнутри и амбары); обломы (скатные пристройки, выдававшиеся в наружную сторону) с деревянными котами (катками или колесами без спиц), которые спускались на неприятеля во время осады; печоры (углубления внутрь стены); быки – расположенные рядами большие выступы, на которых строились укрепления, образующие сверху другую стену. Стены разделялись по пространствам между башнями, называемыми пряслами. Эти пространства имели различное протяжение в одном и том же городе. Так, в новгородском каменном городе пространство

между башнями в одной стороне было до 70 саженей, в другой до 50, а в третьей до 40 и менее. В новгородском земляном городе между одними башнями было 150 саженей, между другими 46. В Тотьме вообще от 17 до 25 саженей. В одном деревянном городе, в южном краю Московии, на одной стороне вся стена имела 35 саженей, на другой 44. В Воронеже в 1666 г. в одном месте пространство между башнями заключало 155 саженей, в другом 30, в третьем только 18 и т. п. По пряслам устраивались окна, при которых припасались камни и колья, чтоб метать на осаждающих, и бои, узкие отверстия, откуда стреляли из пушек и пищалей. Таких боев в больших городах было три ряда и назывались: подошвенный, средний и верхний. В Астрахани на пространстве четырехсот двадцати пяти саженей, составлявших часть городской стены, было пятьдесят девять боев. В малых городах их было обыкновенно два ряда: подошвенный и верхний. Толщина и высота стен в разных городах была также различная, как и окружность. В Астрахани в 1649 году каменная стена в толщину была в полторы сажени, а в вышину с зубцами четыре сажени, без зубцов две сажени с половиною; самые зубцы возвышались над стеною на сажень с половиною и в толщину были в полсажени. Стены Московского Кремля в XVI веке, по свидетельству англичан, имели в толщину восемнадцать футов. В Кирилловском монастыре вышина внешней стены была до 16 аршин, внутренней десять; толщина первой в девять с половиною, а внутренней в полтора аршина. В

Суздали вал с приступной, то есть с внешней, стороны имел от восьми до десяти сажень вышиною, а с внутренней от трех до шести. Земляные валы делались к низу шире, кверху уже: таким образом, в этом же суздальском вале толщина его с почвы была от восьми до десяти сажень, а на верху ширина достигала только полторы сажени.

Внутри по стенам проводились лестницы и ходы, обыкновенно из башен от одной к другой; по местам эти ходы имели тайные выходы наружу. На больших выступах, или быках, устраивались мосты, на которых, как сказано прежде, возвышалась другая стена. Вдоль городских стен устраивался мост, по которому можно было иметь движение по всей окружности. Очень часто стены города были двойные, тройные и четверные. Пространство между стенами насыпалось землею, или соединялось поперечными бревнами, или же оставлялся промежуток. Сверху делались над ними кровли из теса или решетины. Эти кровли были иногда высоки.

Башни, возвышавшиеся над стенами городов, были по фигуре круглые, четверугольные, шестиугольные, восьмистенные. Кровли на них иногда были так велики, что сами по себе превышали вышину остального строения; так, в Олонце вышина башни до кровли была пять сажень, а с кровлею одиннадцать. Вообще высота, длина и ширина башен была очень различна и не одинакова в одном и том же городе. Например, в Воронеже в 1666 году одна башня имела в вышину семь сажень, а другие – пять, четыре, три и даже одну.

Вышина вообще не соразмерялась с объемом башен; например, в одном городе из двух башен в полторы сажени в диаметре одна была вышиною в три сажени с половиною, другая в полторы сажени. Редко длина башни была одинакова с шириною. Чаще всего в одну сторону они были длиннее, в другую, внутреннюю, короче, например, четыре сажени длины и две с половиною ширины. Но самая обыкновенная мера башен была около трех сажений в длину и двух в ширину. В некоторых городах башни строились в уровень со стеною, в других выступали сажени на две, на три и даже на четыре в наружную сторону. Количество башен в городах было чрезвычайно различно, смотря по объему стены: в новгородском каменном городе их было десять, в земляном девять, в деревянном тридцать семь; в Астрахани десять, в Яике восемь, в Олонце тринадцать, в Тотьме семь, в Смоленске и Муроме четырнадцать, в Воронеже семнадцать, в Архангельске девять, в Кирилло-Белозерском монастыре двадцать три. Те, которые стояли по углам, назывались наугольными, стоявшие посередине стены – середними, с воротами – проезжими, без ворот – глухими. Везде были тайнинские башни, стоявшие обыкновенно поблизости к реке; оттуда делали подземные ходы со струбями, иногда сажений на шесть, десять и более. Башни назывались по урочищам, по местности, или же по их назначению, например, розважская, новинская, водяная, набережная, поваренная, квасоваренная, также по именам праздников или святых, например, пречи-

стенская, введенская, Никольская. Последнего рода названия давались преимущественно проезжим башням. Башни разделялись на ярусы, которые снаружи обозначались террасами во всю окружность строения, называемыми в те времена мостами. Этих ярусов было обыкновенно три: нижний, или подошвенный, средний и верхний, а иногда, особенно в небольших городах, только два. В каждом ярусе устраивались бои; в подошвенном стреляли из пушек, и потому он назывался пушечным, а в верхнем над ним – из пищалей и мушкетов, и потому они назывались пищальным и мушкетным боями. Не всегда в одном и том же городе были башни с равным количеством боев. Так, в Смоленске в некоторых башнях были неполные бои, хотя с полным количеством мостов. Например, в одной башне бои устроены были только в среднем мосту, в другой только в верхнем, а в нижнем и среднем не было боев. Ходы по башне были иногда снаружи, иногда изнутри, так что башня в середине по столбу разделялась на отделы, а верхние отделы с нижними соединялись посредством лестниц. Иногда на кровлях башен устраивались чердаки, клетки, или караульни, небольшие надстройки для обозрения далеких предметов; в них также были наготове пищали. Число проезжих башен соразмерялось с величиною города. В каменном новгородском городе из десяти башен было шесть проезжих, в земляном из девяти три, в Воронеже из семнадцати шесть, в Белозерске из восьми две, в Инсаре из восьми три, в Муроме из четырнадцати две про-

езжих и третья с воротами водяными, то есть ведущими к воде; в небольших городках из четырех башен строилось по две проезжих; никогда не строились города с одним только выходом. Ворота в башнях были толсты и широки, и потому проезжие башни всегда значительно были и выше, и массивнее глухих; например, в семь саженей с половиною длиною и столько же шириною. В воротах вделывались боевые окна, как в глухих башнях и в пряслах. Над ними находился образ святого и какого-нибудь большого праздника, и по имени образа называлась башня; а в некоторых городах в башнях над воротами устраивались маленькие церкви. Ворота запирались огромными замками. В мирное время, однако, створы ворот не запирались, а только на ночь опускалась решетка, а для удобства в самих воротах проделывались калитки, которые также запирались особыми замками. Обыкновенно на проезжих башнях устраивались боевые часы и вестовой колокол, который всегда был массивнее и громче обыкновенных церковных или благовестных колоколов. Его называли также полошным колоколом, потому что звонили в него на тревогу и призывали народ к сбору. Вместе с вестовым колоколом стояла вестовая пушка, из которой стреляли только тогда, когда подавали сигнал. На прочих башнях привешивались также колокола; в них звонили во время отбоя неприятеля или вылазки, для возбуждения охоты к битве и храбрости. В темные ночи на башнях зажигались свечи в слюдяных фонарях. Случалось, что перед самыми проезжи-

ми башнями делали острожки или города в малом виде. Так, в Муроме перед двумя проезжими воротами сделаны были острожки: один длиною в восемь сажений, а поперек в три сажени, другой длиною четыре, а шириною три сажени.

Городовые стены или валы окаймлялись всегда рвами разной глубины и ширины, проведенными по направлению твердынь с их внешней стороны. В небольших городах встречались рвы глубиною в сажень и шириною в две сажени или глубиною в две сажени, шириною в две с тремя четвертями сажени; но в больших городах рвы были и глубже, и шире, и достоинство их вообще полагалось в том, чтоб они были глубоки и круты. В иных местах в эти рвы проводили воду, а в других забивали сваи, называемые частичком или чесночком; а иногда самый чеснок утыкали сверху железными спицами; иногда, кроме того, рвы обносили особою оградой из дубовых бревен. Случалось, что таких рвов за главную стеною или городским валом было несколько рядов, один возле другого по одному направлению.

От рвов в наружную сторону проводили отводные стены и делали длинный ряд укреплений, называемых надолбами. То были столбы из толстых бревен (обыкновенно дубовых), поставленных тесно один возле другого и составлявших сплошную стену. Надолбы были двойные и тройные, то есть в два и три ряда; ряды эти соединялись между поперечными связями из бревен наверху и таким образом представляли вид коридоров, всегда в извилистом направлении. Око-

ло Воронежа такие коридоры шли от города на протяжении пяти с половиной верст до караульного городка, устроенного для наблюдения и для подачи вестей в город; иногда же ряды надолб шли от города верст на двадцать и даже более и были окаймлены рвами, а по местам между ними устраивались башенки. Там, где нужно было сделать выход, устраивались ворота с опускаемыми колодцами. От таких мест пускались в стороны ряды новых надолб, называемых отметными, а от этих в надлежащих местах расходились в боковые стороны другие отметные. В некоторых местах в надолбах делались тайные выходы, известные одним служилым людям. Надолбы на своих поворотах упирались в лесные завалы, то есть кучи срубленного и сваленного леса, шириною сажений в двадцать или тридцать. Неприятель, подступая к городу, должен был сначала пройти через эти завалы, потом путаться около лабиринта надолбов, уничтожать их и тогда уже достигнуть городских укреплений, которые, как выше сказано, были нередко двойные и тройные и сопровождались двойным и тройным рядом рвов. Дороги, служившие сообщением для городов, пролагались вдоль надолбов и проходили через устроенные в них ворота, которые в случае нужды запирались, как выше сказано. Кроме надолб существовали еще укрепления, называемые тарасами. Они состояли из бревен продольных и положенных на них поперечных и если были в два ряда, то покрывались сверху дранью. Для укрепления берегов от полой воды близ города ставили такие тарасы и на-

сыпали внутрь рядов их землю. Тарасы приставлялись также к пряслам городских стен в разных местах.

В окраинных землях от городов до городов проводились земляные насыпи, и по их протяжению устраивались в разных местах жилые и стоялые острожки. Первые были те, где постоянно жили служилые: они впоследствии обращались в города; в другие же посылались служилые на временную службу: последние нередко возникали и скоро потом исчезали. По сторонам устраивались лесные засеки, состоявшие из куч наваленного лесу, обведенные рвом, но иногда делались в них башни, и они принимали вид построенных наскоро городов. Эти засеки возводились преимущественно в лесных местах; туда отряжался засечный приказчик с отрядом служилых: они должны были, заслышав о неприятеле, тотчас подавать весть в город. Таким образом, южная часть Московии при своей малонаселенности была усеяна городами и острогами с надолбами по окрестностям и изрезана земляными валами в разных направлениях, со множеством лесных засек и завалов. Все эти укрепления делались наскоро, а потому скоро и разрушались; теперь, кроме остатков валов, нет и следа их, да и в то время, когда они строились, край был больше защищаем твердостью служилых людей, чем этими бревнами. «Наши городки не корыстны, – говорили в XVI веке донские казаки крымскому хану, – оплетены плетнями, увешаны тернами, да доставать их надобно твердо головами».

Внутри этих каменных, земляных и деревянных оград, называемых общим именем городов, стояли казенные здания. Там была приказная изба, где сосредоточивалось управление города, посада и всего уезда, если город был уездный; пред сенями приказной избы ставили пушку. Вблизи приказной избы находился воеводский двор, огороженный забором или заметом с разными постройками внутри, необходимыми по тогдашнему образу жизни, как-то: горницами, избами, погребом, ледником, мыльнею, поварнею. Затем следовали дворы священников и церковнослужителей; церковь, которая обыкновенно числилась соборною или главною над церквями всего посада, прилегавшего к городу. Далее были казенный погреб для хранения зелейной казны (то есть пороха), пушечный амбар, где хранились свинец в свиньях, пули, ядра и оружия. Для этих хранилищ делались здания земляные или каменные, а иногда вместо особых построек они помещались в стенах и башнях или же во внутренних пристройках к стенам. В городе находилась государева житница, откуда раздавались служилым хлебные запасы или хлебное царское жалованье. В городе была тюрьма, иногда помещаемая в деревянной избе, врытой в землю и огороженной тыном, иногда же в срубе, засыпанном совершенно землею. В городе находились избы служилых стрельцов, пушкарей, затынщиков, но в каменных городах эти помещения устраивались и в стенах. Наконец, в городе были дворы разных частных лиц, особенно дворян и боярских детей, имевших

свои поместья в уезде. Эти дворы строились ими на случай опасности, когда придется прятаться в осаду от неприятеля. В обыкновенное мирное время хозяева таких дворов там не жили, а оставляли дворников из бобылей, которые занимались каким-нибудь ремеслом или промыслом и тем содержались и вместе с тем управляли дворами за право жить в них. Сверх этих частных осадных дворов были еще казенные осадные дворы или избы, построенные для простонародья на случай военного времени, когда воеводы посылали через бирючей скликать народ в осаду. Избы эти были столь просторны, что в них по нужде помещалось до двухсот человек, и жители подвергались там всевозможнейшим неудобствам, какие могут происходить от тесноты; от этого нередко жители предпочитали скитаться по лесам, подвергаясь опасности попасться под татарский аркан, чем идти в осаду.

Количество строений в городах было различно, смотря по величине города. В больших городах помещались даже и гостиные дворы; города в таком случае делались средоточием торговли, и оттого-то впоследствии название города стало вообще означать место торговой и промышленной деятельности. Прежде других такой характер получили те города, где сосредоточивалось управление несколькими уездами.

III

Москва

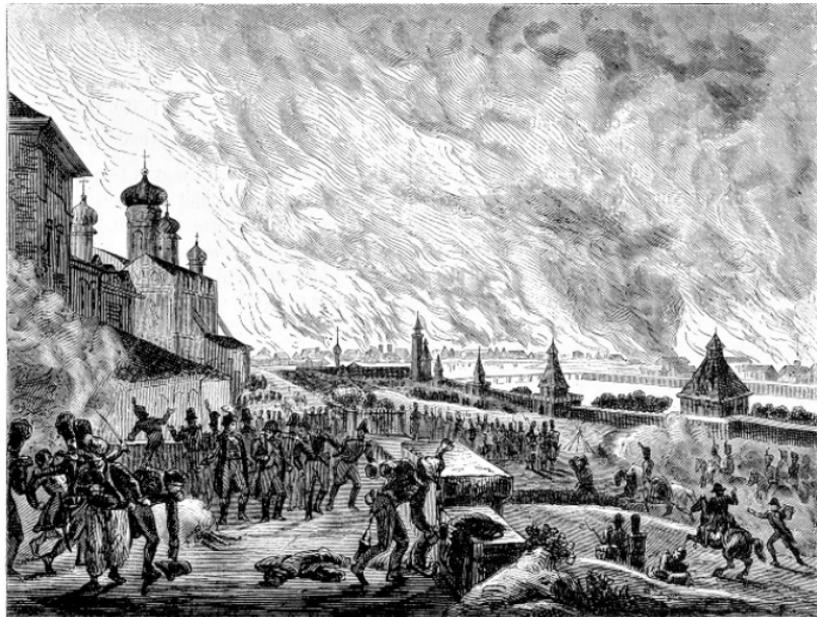

Средоточием Москвы был Кремль. Неизвестен год его возведения. Вероятно, он существовал с основания самой Москвы и был, как вообще русские города, деревянным. В 1367 году впервые заложен был каменный город, но потом разрушился, и уже в конце XV века великий князь Иоанн построил опять каменную стену с башнями. Постройкой занимались итальянцы. От двух углов кремлевской ограды на восток тянулось продолжение каменной стены и образовывало другой город, называемый Китай-городом, построенный в

1538 году правительницей Еленой. За Кремлем и Китай-городом, примыкавшими с одной стороны к реке, с других сторон простирался посад, который также был обведен стеной с воротами и башнями и назывался Белым городом, от белого цвета окружавшей его стены. За этой стеной следовал другой посад, который также был при Борисе обведен двойной деревянной стеной с толстым слоем земли в промежутке между двумя стенными рядами. Он назывался Земляным городом. Сверх того, на другой стороне Москвы-реки как продолжение Земляного города стоял городок, и, наконец, многие монастыри, укрепленные по тогдашним обычаям стенами и башнями, представляли вид отдельных городов. Так, при Михаиле Федоровиче во время нашествия королевича Владислава монастыри Симонов и Новодевичий обращены были в отдельные форты.

Москва своей огромностью изумляла иностранцев; впрочем, от них не укрылось, что величина эта была только кажущаяся, потому что дворы были очень велики. В XVI веке она была больше, чем в XVII. По свидетельству Герберштейна, в его время Москва заключала в себе 41 500 домов. Посетивший ее при Федоре Иоанновиче Флетчер полагает, что в прежнее время было в ней то же количество домов, но присовокупляет, что она очень пострадала и уменьшилась в объеме после опустошения, нанесенного крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 году. Олеарий, посещавший Москву при Михаиле Федоровиче, также говорил, что она была

огромнее до этого бедствия и что внешняя ограда имела тогда двадцать пять верст в окружности. По его известию, разорение крымцами было для нее губительнее, чем разорение во время поляков, хотя последнее в то время свежее запечатлелось в народной памяти. Тогда она занимала три немецких мили в окружности. Мейерберг, посещавший Москву в 1661 году, полагает окружность ее с одной стороны в 12 000 саженьей, а с другой в 7000 – это составляет девятнадцать верст, но поскольку тогда версты были тысячасаженные, то это значит, что Москва имела в окружности нынешних 38 верст. Мейерберг полагает ее со слободами, а Олеарий, кажется, не считает слобод, ибо они в его время были истреблены пожаром, уничтожившим до 5000 домов. Из этих известий можно только приблизительно и не вполне ясно представить себе величину древней столицы; да и сами описатели ее не могли соблюсти точности, потому что сама Москва беспрестанно изменяла свой вид от частых пожаров.

Пожар Москвы 1812 года. Гравюра 1882 г.

Кремль занимал середину столицы и был средоточием власти, управления, церковного устройства и убеждений всего русского народа. Там жил царь, и Кремль был священным местом русского народа. С трех сторон Кремль окружен был водой; с юга окаймляла его Москва-река, с запада и с севера Неглинная. Эта болотистая река, теперь уже не существующая, в верхней части Кремля образовывала пруд, из которого была проведена вода в канавы, прорытые около кремлевских стен. В XVI веке канавы эти были так многоводны и глубоки, что на них построили мельницы. При

Михаиле Федоровиче они стали просто рвами, однако значительной глубины. По направлению канав или рвов Кремль окружала кирпичная стена с башнями. Каждая из башен носила собственное название, одни по образам, которые на них висели, другие по местности. В XVI веке насчитывалось шестнадцать или семнадцать башен. Башни проезжие были громаднее, чем глухие. Ворота Кремля были следующие: Фроловские, в 1658 году переименованные в Спасские и теперь сохраняющие это название, Никольские, Константиновские (теперь не существующие) на юг от Спасских, Боровицкие, переименованные Алексеем Михайловичем в 1658 году в Предтеченские, Неглинные, Тайнинские к Москвереке и Портомойные на юго-западном углу у водовзводной башни, куда прачки выходили мыть белье на плот, устроенный для этого. Только пять первых ворот были проезжими. Фроловская, или Спасская, башня над главными воротами была выше и красивее других. На рисунках, оставшихся от XVII века, она одна походит на нынешние кремлевские проезжие башни. Сверх всех башен, проезжих и глухих, на каждой стороне кремлевских стен были устроены маленькие башенки, где висели колокола, в которые звонили во время пожара и тревоги. Кремлевские стены были уставлены пушками.

В Кремле находился двор государев. У старых великих князей хоромы были деревянные. Но по мере того как держава Московская принимала более крепости и государствен-

ной силы, возникала при дворе потребность созидать каменные здания. При Иоанне III построен был каменный казенный дворец между Архангельским и Благовещенским соборами, а потом и дворец для жилья, оконченный в 1508 году. Ужасный пожар в 1547 году повредил этот дворец. Иоанн возобновил его и украсил золоченой кровлей, но в 1571 году он был razорен Девлет-Гиреем. При Федоре он был, однако, уже отделан и находился в нарядном виде. При Борисе, Самозванце, Шуйском и в первую половину царствования Михаила строили только деревянные дворцы. Но после пожара 1626 года, во второй раз при Михаиле истребившего царское жилье, принялись за постройку каменных зданий. Михаил Федорович отстроил себе каменный дворец, но не жил в нем, а предоставил его царевичу и предпочел для себя жить в деревянном здании, находя, что деревянные здоровее каменных. При Алексее Михайловиче была построена новая дворцовая палата и потешный дворец. В конце его царствования существовало два царских каменных дворца. При Федоре Алексеевиче были перестроены и обновлены каменные здания дворца. Но тем не менее в XVII веке цари продолжали предпочитать деревянные здания для жилья и для каждого члена царского семейства строили особые домики. Таким образом, царские усадьбы в Кремле состояли из немногих каменных и множества деревянных строений, отдельно построенных, нагроможденных в различных направлениях и по вкусу времени испещренных золотом, разноцветными и

вычурными украшениями. Царский двор огорожен был решеткой с воротами, на которых висели образа. Эти ворота назывались Курятные, Колымажные, украшенные высокой башней и часами, Воскресенские и Золотые, или Гербовые, с башней, на вершине которой находился золоченый двуглавый орел, а на стенах были изображены гербы областей Московского государства. Курятные ворота в 1658 году переименованы в Троицкие и находились на севере, без башни наверху, под палатами царских мастериц; за ними вне двора было множество зданий, занимаемых разными отраслями царского хозяйства; дворцы: сытный, кормовой, хлебный, припешные палаты, пивоварня, медоварня, воскобойня, свечная, аптека, денежный двор, конюшенный двор и прочее. На взгорье к Москве-реке был запасный дворец – каменное здание с разведенным на нем садом, а внизу житный двор (где хранились хлебные запасы) и церковь Благовещения. Кроме царского двора в Кремле были дворы приближенных к царю бояр и вельмож. Так, при Алексее Михайловиче там находились дворы: Морозова, Куденевича-Черкасского, Бориса Лыкова и других. Оригинальная неправильность постройки, вычурность, пестрота и затейливость украшений останавливали на себе взгляд путешественников, но более всего их поражали кремлевские церкви: купола и главы некоторых из них были покрыты золоченой медью и ослепительно блистали против солнца. В начале XVI века только немногие из них были каменные, но в XVII веке число их несравненно уве-

личилось. Всех вообще церковей насчитал Олеарий в Кремле 52, а другой путешественник при Алексее Михайловиче только 30. Верно только то, что их было больше, чем теперь, потому что кроме существующих упоминаются такие, которых более нет: Сретенский собор, Троицкий монастырь, церковь Сергия Чудотворца. Башня Ивана Великого, построенная Борисом, величаво возвышалась над кремлевскими зданиями; близ нее находилась башенка с огромным колоколом в 365 центнеров весом. К огромному языку его были привешены две веревки, а к каждой из них по двенадцати веревок, так что нужно было двадцать четыре человека, чтобы раскачать эту массу. В него звонили по большим праздникам и при встрече посольств.

За пределами Кремля на восток тянулся Китай-город. Китай-город начинался от Кремля Красной площадью. Он был обведен кирпичной стеной красного цвета (побеленной при царевне Софье), которая на севере соединялась с углом кремлевской, а на юге вдоль Москвы-реки с белгородской и образовывала с ней одну стену. Тут было Лобное место, откуда читались народу царские грамоты; здесь стояла Покровская церковь, которую называли Иерусалимской, построенная царем Иваном Васильевичем после взятия Казани и теперь поражающая своей оригинальностью и причудливой смесью восточной архитектуры с европейской. Недалеко от нее был амфитеатр из тесаного камня, поднимавшийся вверх уступами, место значительное в старой обрядности

нашей в праздник Вербного воскресенья. Близ амфитеатра стояла церковь Св. Меркурия Смоленского; с другой стороны амфитеатра находился Земский приказ – покрытое землей здание с двумя огромными орудиями наверху и с двумя двумя внизу на земле. На Красной площади перед лицом Кремля был большой рынок, где постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и празднующие, а вблизи амфитеатра сидели женщины, продававшие свои изделия. На восток от рынка простирались торговые ряды; их было множество, потому что для каждого товара был свой торговый ряд. В Китай-городе находилась типография, множество церквей, многие приказы, дома знатных бояр, дворян и гостей, английский двор, по упразднении привилегии англичан обращенный в тюрьму, три гостиных двора; от последнего из них, персидского, на юг шла овощная улица, состоявшая из лавок с овощными товарами. Она упиралась в рыбный рынок, по рассказам иностранцев ставший известным своей нестерпимой вонью. От него через реку построен был мост на судах, а за мостом следовало козье болото, урочище, на котором казнили преступников.

За пределами Китай-города следовал Белый город, обведенный белой стеной, называемой так особенно в отличие от красной стены Китай-города. До Федора Иоанновича стена, построенная на этом месте, была деревянной; при этом государе вместо нее сооружена каменная. Она была высокая и толстая, шла в виде полумесяца от одного пункта близ

Москвы-реки до другого близ той же реки, в обоих пунктах загибалась и примыкала с запада к Кремлю, а с востока к Китай-городу, так что у подножья царского двора все три города соединялись в одну кремлевскую стену, которая шла вдоль Москвы-реки. По стенам Белого города шли башни; из них двенадцать были проезжих с воротами: на юго-западе Троицкая, на повороте, посредством которого Белый город соединялся с Кремлем; отсюда по круговой линии на запад, с запада на север, а с севера на восток следовали одни за другими ворота в проезжих башнях: Чертольские, переименованные в 1658 году в Пречистенские, Арбатские, в том же году нареченные Смоленскими, Никитские, Тверские, Петровские, Дмитровские, Сретенские, Мясницкие, переименованные в 1658 году в Фроловские, Покровские, Яузские и Васильевские. Между Сретенскими и Дмитровскими воротами стояла башня, через которую проходила река Неглинная, протекавшая через Белый город по направлению с северо-востока на северо-запад. Эта башня называлась Неглинной Трубой. Между проезжими башнями стояли глухие: между Чертольскими и Арбатскими и между Никитскими и Тверскими по две; между остальными по одной; глухая башня между Яузскими и Васильевскими воротами носила исключительное название Наугольной. В начале XVIII века только между двумя воротами было по одной башне, между другими везде по две, а между некоторыми и по три. Стены Белого города шли по линии нынешних бульваров,

и, как известно, старинные названия ворот сохранились до сих пор, хотя стены уже давно исчезли по повелению Екатерины II. Белый город, или Царь-город, как его называли, был самой населенной частью Москвы. У многих князей и бояр были здесь большие дворы, здесь жили многие из богатого купечества, большая часть ремесленников со своими мастерскими и лавками при них для продажи своих изделий; здесь был гостиный шведский двор; здесь сосредоточивалась торговля хлебом и мясом: последнее продавалось на мясном рынке с мясных скамей; на этом рынке были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близ урочища, называемого Поганый Пруд, стоял пушечный, или литейный, завод, где готовились пушки и колокола; в другом месте был царский конюшенный двор с конюшнями. Еще в конце XVII века на правой стороне Неглинной возвышался построенный Иоанном Грозным в 1565 году в итальянском вкусе дворец.

За пределами Белого города был расположен Земляной город. Стену его построили в 1591 году, опасаясь набега крымцев, посещение которых двадцать лет назад наделало слишком много горя московским жителям. Эта стена была построена очень скоро, и, вероятно, от этой скорости весь Земляной город назывался Скородумом, то есть скорозадуманным городом.

Англичанин при Алексее Михайловиче замечал, что в этой стене было так много дерева, что из него можно было построить ряд тонкостенных английских домиков на тринна-

дцать миль длины. Стена эта шла по теперешнему направлению Новинского и Садовой округленным очертанием и как на западе, так и на востоке упиралась в Москву-реку, пересекая на пути свою реку Язу. В Земляном городе за Яззой был древесный рынок, где продавались лесные изделия и, в частности, готовые дома, нужные для московских жителей по причине частых пожаров.

Много торговых и ремесленных заведений находилось в дворах домохозяев. Жители здесь были большей частью посадские люди, и мало жило знатных особ. Дома были почти все деревянные, а сами дворы отличались огромностью пространства.

Замоскворечье в древности называлось Заречье. Великий князь Василий Иванович поселил здесь пленных немцев и литовцев: им позволяли пить вино, потому-то их и вывели отдельно от русских, которым вино разрешалось только по праздникам. От этого Заречье прозвано Наливки от слова «наливай». Впоследствии там заведена была стрелецкая слобода. Она была обнесена стеной, которая казалась продолжением стены Земляного города, потому что подходила к Москве-реке в тех пунктах, где на противоположной стороне упиралась в нее земляногородская стена. Двое ворот – Серпуховские и Калужские – в проезжих башнях служили выходом и входом для этого города.

За городом были разные слободы, которых насчитывают чрезвычайно много; одни из них вошли в разное время в

город; местность других теперь даже определить трудно. В XVI и XVII веках упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотен), ордынцев, седельников, гончаров, котельников, серебряников, басманников, огородников, мясников, воротников, гранатников, кречетников, трубников, барашей, пушкарей, сокольников, хлебников; Бронная, Коношенная, Казенная; другие носили названия по собственным именам: Семеновская, Воронцовская, Алексеевская, Никитская, Кудрина, Садовая; было, сверх того, несколько ямских слобод: Тверская, Дорогомиловская, Рогожская, Запрудная. За Яузой, где помещались многие из перечисленных здесь слобод, была, в частности, Иноземная слобода, или Немецкая, построенная Иваном Васильевичем Грозным. После Смутного времени немцы расселились по городу и построили себе церковь в Белом городе; по настоянию духовенства при Алексее Михайловиче их снова выселили в слободу. Там у них было три церкви.

*Церковь Сергия Радонежского Богоявленского монастыря
в Московском Кремле. М. Кудрявцев.*

Кроме всех слобод по окрестностям столицы было рассеяно множество загородных домов вельмож и богатых московских жителей, так что, приближаясь к столице, можно было издали ее чувствовать. Там и сям мелькали монастыри, огороженные стенами и башнями во вкусе тогдашних городов. Между ними беспрестанно появлялись новые дворы. Монастыри и слободы произвольно захватывали земли и отдавали их, как свою собственность, под загородные дворы. Но в 1649 году правительство со всех таких дворов постановило собирать в казну оброк и запретило впредь селиться на выгонной земле. Таким образом было остановлено естественное расширение столицы.

IV

Посады

Посады, как выше сказано, обыкновенно располагались при городах и часто укреплялись острогами или осыпями; но в местах, где отдаленность от границы не представляла опасности, посады были без городов. Жители посадов – торговцы, ремесленники и промышленники, обязанные различными налогами и повинностями правительству, назывались тяглыми; их тяглые дворы служили единицами в полицейских и финансовых отношениях посадов к государству. Кроме тягловых дворов были на посадах дворы не тяглые, или белые, не подлежавшие тем повинностям, какие налагались на тяглые. То были дворы священнослужителей, дворы церковные, монастырские подворья, где жили старцы, заведо-

вавшие делами своих монастырей, участвовавших, как известно, в торговле, дворы дворян и детей боярских, которые редко жили в них сами, а чаще содержали там своих дворников. Были еще на посадах оброчные дворы, то есть такие, которые сдавались от казны в оброк на подобных основаниях, как и поземельные участки. Этот обычай велся издавна и существовал еще при великих князьях. Наконец, в посадах между дворами составляли особый разряд дворы бобылей, людей бедных, не имевших определенного занятия и плативших соответственно своему состоянию меньшие налоги.

Строиться улицами было издавна в обычае русских. В посадах улицы носили названия по именам церквей, построенных на них, например, Дмитровская, Пречистенская, Воскресенская, Успенская, иногда же – по занятиям тех, которые на них жили, например, Калачная, Ямская, Кабацкая, Загостинская; иногда по каким-нибудь собственным именам, прозвищам, например, Букреева, Парфеновка. По краям улиц, или где они пересекались между собой, ставили обрза в киотах. Вообще они были широки, довольно прямы, но очень грязны. Только в Москве и в больших городах было что-то похожее на мостовую. Это были круглые деревяшки, сложенные плотно вместе одна с другой. Не вся Москва была таким образом вымощена: во многих местах не было мостовой, и там, где особенно было грязно, через улицы просто перекладывали доски. В Москве собирался с жителей побор под именем мостовщины, и земский приказ занимался мо-

щением улиц, но мостили больше там, где было близко к царю. Такая мостовая не препятствовала, впрочем, женщинам ходить не иначе, как в огромных сапогах, чтобы не увязнуть в грязи. Хотя в Москве существовал особый класс служителей, называемых метельщиками, обязанных мести и чистить улицы, и хотя их было человек пятьдесят, однако в переулках столицы валялось стерво и во многих местах господствовала невыносимая вонь. Если в самой столице так мало соблюдали чистоту, то еще менее заботились о ней в посадах, но зато при малолюдстве их в сравнении с Москвой такая небрежность не столько причиняла зла.

Везде в посадах были площади, иногда очень просторные и всегда почти неправильные. В Белозерске в XVI веке при трехстах дворах была площадь в 240 сажений длиной, а шириной в одном конце в 68 сажений, а в другом 36, в середине 7–10. В Муроме площадь была в длину 94 сажени, а в ширину в одном месте 26, а в другом 12 сажений. Обыкновенно все улицы посада с разных сторон неправильными линиями сходились к площадям, которые были центром торговли и вообще всех сношений жителей посада. Тут стояли ряды и лавки, где не только продавали, но и работали, прилавки с разными мелочами, скамьи с мясными и рыбными припасами, калачни, харчевни, где собирались гуляки, и земская изба – место выборного управления. В больших посадах также торговые рынки находились в той части, которая окружена была стеною и часто называлась городом; например, в Аст-

рахани в той части посада, которая была окружена каменной стеной и называлась Белым городом, была площадь, где находился большой гостиный двор и торговые заведения, а в другом месте была площадь, где продавалось дерево. Около посадов оставлялась всегда выгонная земля, называемая иначе поскотиною; если там были луга, то ее называли луговой, или же боровой, когда посад окружали леса.

Главным украшением посадов были церкви. Не говоря уже о Москве, где число всех церквей, по свидетельству путешественников, поверявших наблюдения один другого, простиралось до двух тысяч, вообще в посадах, даже немногочисленных, находилось множество церквей, несоразмерное с населением. В Белозерске, где всех душ в 1674 году насчитывалось только 960, было 19 церквей и из них одна каменная соборная. В Муроме в 1687 году было, кроме 3 церквей в городе, 4 монастыря и 20 церквей в посаде, а между тем Муром не отличался многолюдством. В старые времена каждый зажиточный человек строил церковь, содержал для нее попа и молился в ней со своей семьей. Зато многие церкви были так малы, что простирались не более, как на 15 футов, они были деревянные, небеленые, крытые тесом или гонтом, но часто главы покрывались белым железом и блистали против солнца. В Вологде все главы церквей, которых было всего 67 (21 каменных, 43 деревянных и три монастыря), были покрыты таким образом.

Вообще посады наши были не многолюдны. Разные бед-

ствия, столь обильно изливаемые судьбой на Русь, оказывали постоянно вредные последствия на умножение населения посадов. На юге России никак не могли процветать посадки, потому что беспрестанные набеги крымцев не давали народу возможности вести оседлую жизнь, тем более заботиться о житейских удобствах. Очень часто посещали Русь моровые поветрия; как страшно они опустошали посадки, можно видеть из таких примеров, как, например, в Шуе, где в 1654 и 1655 годах после морового поветрия из 224 дворов вымерли совершенно обитатели 91 двора и после трех лет, в 1658 году, многие дворы еще оставались по той же причине пустыми. Дурное управление и тягости, возложенные на посадских от правительства, побуждали жителей оставлять свои жительство и шататься с места на место; другие, гонимые бедностью, закладывались частным владельцам или монастырям; иные постригались в монахи.

Выше показана скудость населения в Белозерске и Шуе; в других местах и в различное время представляется то же. Так, например, в 1574 году в Муроме было 738 дворовых мест, назначенных для поселения, но из них только 111 было жилых, 107 дворов со своими строениями стояли пустыми, а прочие места не были и застроены, или, может быть, бывшие на них строения уже исчезли. В 1637 году в Устюжне было всего 178 дворов, а людей в них 254 человека. Около того же времени или несколько позже в Чердыне было 304 двора, а в Соли-Камской 355; а эти города по своему местоположе-

нию, удаленному от внезапных набегов хищнических народов, и по приволю представляли возможность правильного населения. В Холмогорах, которые стояли недалеко от моря и притом на главном торговом пути, в 1675 году было всего 645 дворов, а людей в них 1391 человек. Сама власть не способствовала развитию посадской жизни. Прежние цветущие города – Новгород, Псков, Тверь, потеряв свою гражданственность, теряли и свои богатства. Правительство, стремившееся к единовластию, не допускало в посадах развиваться самоуправлению, которое всегда идет рука об руку с благосостоянием. При непрерывных, неотвратимых бедствиях, побуждавших народ к шатанию, было невозможно, чтобы в посадах заботились о красоте и прочности постройки зданий; притом же пожары были самое повседневное и повсеместное явление. Москва, как известно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Стоит припомнить пожар 1493 года, истребивший всю Москву и Кремль, славный пожар 1547 года, когда, кроме строений, сгорело более 2000 жителей, пожар 1591 года, доставивший Борису случай показать народу свою щедрость; пожары при Михаиле Федоровиче были так часты, что не обходилось без них ни одного месяца; иногда на них было такое плодородие, что они следовали один за другим каждую неделю, и даже случалось, что в одну ночь Москва загоралась раза по два или по три. Некоторые из этих пожаров были так опустошительны, что истребляли в один раз

третью часть столицы. При Алексее Михайловиче Москва несколько раз испытывала подобные пожары, например, во время возмущения народного по поводу пошрины на соль в 1648 году, потом в 1664 и 1667 годах.

В других городах пожары были так же опустошительны, например, в Пскове в 1623 году был пожар, истребивший город дотла, так что жители, обеднев, долго не могли после этого оправиться. Несмотря, однако, на такие частые бедствия от огня, меры против него были вялы и преимущественно только предохранительные: старались делать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строений кадки с водой и мерники с помелами; запрещалось по ночам сидеть с огнем и топить летом мыльни и даже печи в избах, а вместо того жители должны были готовить себе пищу в огородах. Эта мера одна по себе была плохим средством, и притом не все ей подлежали: некоторым зажиточным хозяевам, так называемым служилым людям, по хорошим их отношениям с воеводами позволялось то, что вообще запрещалось другим; воевода мог разрешить топить летом избу, если находил, что день довольно пасмурен или влажен, и мыльню из снисхождения к больным и родильницам. Когда вспыхивал пожар, все действия против него ограничивались тем, что старались ломать строения, стоявшие близ горящих зданий. Только в Москве были некоторого рода обычные меры гашения огня при пожарах. При Михаиле Федоровиче существовали какие-то холстинные парусы сажень в пять длиной и

щиты из лубьев с ручками. При Алексее Михайловиче велено было, чтобы все вообще зажиточные люди заводили у себя медные и деревянные трубы, а люди с меньшим достатком складывались вместе по пяти дворов для покупки одной трубы, и в случае пожара все должны были бежать для погашения.

V Слободы

На Руси встречались слободы трех родов: служилых людей, промышленников и, наконец, вообще поселян, пользующихся льготами. К слободам служилых людей относились: стрелецкая, пушкарская, пищальная, затинщиков, воротников, казачьи, ямские. В них были поселены служилые люди одного какого-нибудь наименования, которые составляли корпорацию и исполняли определенную служебную обязанность в отношении правительства. Слободы этого рода пользовались особым управлением и особыми правами. По боль-

шей части они находились близ городов и составляли предместья посадов, если под городом находился посад. В некоторых местах, однако, особенно на юге Московского государства, место самого посада занимали слободы. Близ одного острога были слободы: стрелецкая, казачья и пушкарская, а посадских был один только двор; таким образом, весь посад хотя и числился существующим, но заключался в одном только дворе. Величина служилых слобод соизмерялась с потребностью военной силы по важности города, близ которого они были расположены; иногда они были очень не велики, например, человек в пятьдесят жителей и даже менее.

При исчислении слобод, находившихся близ Москвы, показаны роды промышленных, ремесленных и торговых слобод. Подобные названия встречались в разных местах Руси. Некоторые промышленные слободы были в то же время и служилые, потому что жители их были обязаны доставлять к царскому двору произведения своего труда и за то пользовались облегчительными льготами. Таковы были слободы бобровников, слободы рыбных ловцов, слободы сокольников и кречетников и прочее, жители которых обязаны были доставлять ко двору плоды своей охоты и рыбной ловли, точно так же как близ Москвы жители слободы Кадашевки занимались тканьем полотен и отбывали повинности доставкой своих произведений на потребности двора.

В Сибири, кроме служилых слобод, такое же название носили поселения, где жители занимались земледелием и поль-

зовались льготами, которые давались новоприбывшим туда поселенцам в уважение к их недавней оседлости. В XVII веке служилые люди ходили по Руси и вербовали народ в Сибирь, заманивая обещаниями разных льгот; сверх того, для перехода давались охотникам подможные деньги. Эти поселенцы обязаны были пахать известное количество земли и, собирая с нее хлеб, доставлять его в города для прокормления служилых; такие слободы назывались пашенными.

VI

Сёла и деревни

Земледельческие жилые местности вообще по административному положению были черные тяглые, дворцовые, поместья и вотчины. Первые были государственные имения, вторые – собственность государя и его фамилии; поместья были казенными имениями, которые раздавались служащим людям как бы вместо жалованья за их службу: владелец не мог ни продать, ни заложить, ни завещать их, и хотя они очень часто переходили от отцов к детям, но не по праву на-

следства, а по новой отдаче от правительства, так что каждый раз, получая во владение отцовское поместье, сын должен был справлять его за собою, то есть приобретать от правительства на него право с обязанностью нести за это службу. Вотчины были собственностью владельцев. Вотчины были владычные, то есть принадлежавшие архиереям или соборам, или, как тогда говорилось, домам святых, например дому Пресвятой Богородицы, дому Софийскому, монастырские и, наконец, частных лиц, то есть бояр, окольных, дворян и детей боярских.

Сельские жители всех перечисленных здесь поселений вообще назывались крестьяне, и для означения, к какого рода владениям они приписывались, прибавлялось прилагательное: монастырские крестьяне, владычные крестьяне, дворянские крестьяне, помещиковы и вотчинниковы крестьяне. В XVII веке крестьяне в вотчинах, принадлежавших отдельным владельцам, вообще назывались боярскими, и господские имения носили общее имя боярщины. С прекращением личного права крестьян на переход с владельческих земель, на которых они были поселены, по мере большего прикрепления к земле крестьяне мало-помалу входили в один разряд с холопами или рабами. Несмотря на малолюдность края, в XVII веке село чаще было раздроблено между разными владельцами, чем составляло собственность одного: только владения бояр и князей представляли исключение. По большей части в одном селе было несколько владельческих усадеб.

Около них поселены были обыкновенно рядами дворы их подданных и разделялись на дворы людские, крестьянские и бобыльские. В людских жили люди или холопы, обращенные господами на полевые работы; иногда в одном дворе и даже в одной избе помещалось несколько семей этих рабов, не имевших ничего собственного и живших на скаредном содержании от владельца.

Изборск, Псковская губерния, 1900 г.

В крестьянском дворе обыкновенно жил хозяин не только с семьей, состоящей из детей, братьев и племянников и разделявшейся на две, на три и четыре семьи с общим достоянием (не в разделе), но часто с несколькими посторонними семьями работников или подсоседников, которые не имели своего угла, жили по найму и в отношении юридическом и административном вместе с хозяйской семьей составляли одну единицу. Отличие крестьян от бобылей воз-

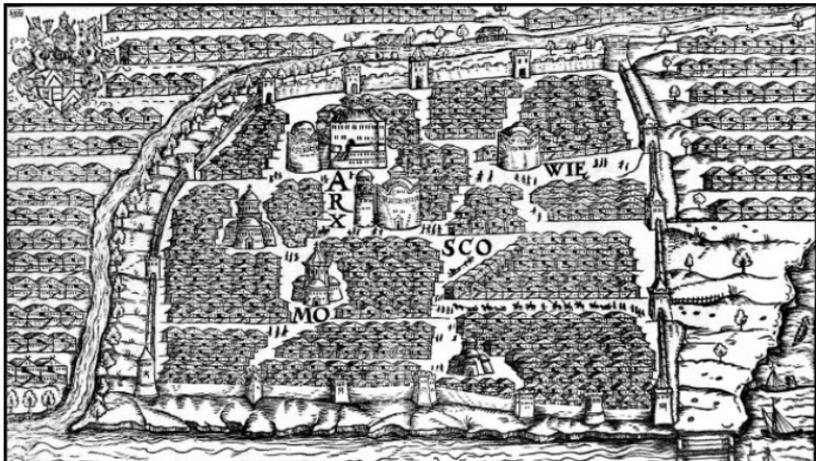
никло в давнее время. Когда еще не воспрещено было крестьянам с известными условиями переходить от владельца к владельцу, крестьянин, поселявшийся на земле вотчинника или помещика, брал от него участок, носивший юридическое название жеребья, и должен был отбывать повинности, лежавшие на этом жеребьи. Те, которые не могли брать целых жеребьев, селились на владельческих землях, платя только за свой двор и обрабатывая землю по добровольным особым условиям с владельцем, а потому не подчинялись уже обязанностям, лежавшим на жеребьях. Такие назывались бобылями. После укрепления крестьян бобыльскому сословию предстояло со временем смешаться с крестьянским, но и в XVII веке еще оно не успело совершенно потерять свое отличие. Бобыльские дворы всегда писались отдельно от крестьянских, ибо всякий крестьянин, как и прежде, отправлял свои повинности с тяглого жеребья, хотя назначение такого жеребья и зависело от владельца, сколько можно судить по дошедшим до нас известиям. Бобылями, то есть не имеющими жеребья, стали называться тогда те, которые по бедности не могли удержать за собою жеребьев. Но в старину, в XVI веке, не всякий бобыль был бедняком. Когда поселяне имели право переходить с земель владельческих на другие, многие могли не обязываться жеребьем не потому только, что по скудости не в силах были вынести лежавших на жеребьях повинностей, но также и для того, что не нуждались в таком количестве земли, какое приходилось на жере-

бий, и сверх земледелия извлекали из других занятий средства к содержанию. После воспрещения перехода и укрепления крестьян, когда распределение жеребьев зависело уже от владельца, естественно те, которых владелец не считал удобным посадить на тяглый жеребий, были только бедные люди, без того владелец, конечно, дал бы им жеребий и обложил повинностью. Таким образом, слово бобыль перешло в значение бедняка, пролетария и осталось с ним до нашего времени.

До прекращения перехода земледельцев в вотчинах и поместьях было всегда значительное число пустых дворов со строениями, готовыми принять новых жильцов. Одни строились самими владельцами и сдавались приходящим крестьянам; другие – крестьянами, смотря по договорам. Но и в XVII веке, несмотря на укрепление крестьян, повсюду в имениях было не менее прежнего пустых дворов, потому что многие из земледельцев бегали, оставляя свои жилища; другие, вероятно, сами были увольняемы владельцами. Сельская жизнь по-прежнему носила на себе явный недостаток оседлости.

Вообще сельское народонаселение, как и посадское, было скудно и бедно. Частые войны и моровые поветрия истребляли его. В украинских землях татары сжигали дотла поселения, умерщвляли и забирали в плен людей, не успевших схорониться в городах. При Михаиле Федоровиче вся страна на юг от Москвы была сожжена и представляла голую

степь. Правительство не падало духом и деятельно заботилось о заселении ее вновь; но долго еще несчастные условия препятствовали всяким усилиям. Земледелец не мог спокойно располагать своим временем и часто среди летних работ принужден был покидать на поле несобранный хлеб и по зову бирючей спешить в осаду. Крестьянам не дозволялось от правительства строить житницы, а велено было держать зерновой хлеб в ямах. Сами избы обыкновенно сжигались, как только неприятель приближался, и крестьянин убегал в город с тем, что успевал захватить с собой. Нередко плоды многолетних трудов уничтожались в один день. Таким образом, плодоснейшие полосы государства оставались необработанными и почти не заселенными. Подобных бедствий не чужды были и другие русские области. Так, в разделе между Строгановыми постановлены были условия, чтобы строения, построенные за укреплениями в их сибирских владениях, были сжигаемы во время опасности.

Гравюра.

Недостаток прочной оседлости не допускал жителей прилагать стараний о сборе запасов продовольствия на случай скудных лет. От этого в случаях неурожая, которые благодаря климату и почве были нередки, пустели целые края от голода, как от заразы. Следует прибавить, что несправедливое управление, отягощавшее жителей, принуждало их к побегам и приучало предпочитать бездомовную, скитальческую жизнь оседлой. Все эти причины препятствовали увеличению народонаселения и мешали его благосостоянию. Многие известия старых времен указывают на повсеместные пустые дворы, обитатели которых или вымерли, или побиты, или разбежались. Целые села исчезали, оставляя по себе название пустых селищ. В XVII веке неподалеку от Москвы, следовательно, в самом населенном крае, в двух селах и од-

ной деревне насчитывалось только 216 дворов и в них 299 душ. В 1675 году в Двинском уезде во всех его станах и волостях было всего 2531 двор и в них 5602 человека. Во всем Чердынском уезде в конце XVII века было всего до трех тысяч дворов. Как сельское население колебалось в каждом месте, то увеличиваясь, то уменьшаясь, можно видеть из описания одного стана в Вятском уезде: в 1629 году там было 44 деревни и 23 починка; в них дворов было живущих 100, а людей 106; в 1646 году там оказалось 103 деревни, дворов живущих 209 и людей 1055 человек, да сверх того пять деревень и семь дворов пустых; в 1658 году в том же стане 53 деревни, 44 починка, живущих дворов 133, а людей 714 человек. Более чем в другие края население в XVII веке подвигалось, кажется, на восток, именно в края, занимавшие нынешние Пензенскую и Тамбовскую губернии и южную часть Нижегородской, где в XVI веке почти не было русских жителей, а в середине XVII века появляется много городов, слобод и сел, как видно из дел о возмущении Стеньки Разина. Этому причиной, кажется, было то, что воинственность тамошних туземцев – мордвы и чувашей – была уступчива к силе русских поселенцев. Вообще события XVII века одно за другим представляли очень неблагоприятные условия для оседлости и умножения народонаселения. В первых годах XVII века эпоха самозванцев со всеми ее последствиями сильно потрясла, опустошила и обезлюдмила Русь во всех ее концах. При Михаиле Федоровиче не успела Русь еще оправиться от

прошедших бедствий, как ее начали терзать непрерывные набеги татар на южные области; отдохнув немного в первые годы царствования Алексея, русское население вслед за тем подверглось целому ряду бедствий: изнурительные войны с поляками, набеги крымской орды, моровые поветрия, внутренние мятежи истощали его. Один англичанин, посещавший Россию в конце царствования Алексея Михайловича, говорил, что на пространстве пятисот верст едва можно было встретить десять женщин и одного мужчину. Не должно обольщаться обилием сел и деревень, встречаемых в письменных актах: были села с церквями, в которых всего-навсего было одиннадцать дворов, а деревни были столь малолюдны, что в них значилось двора по три, по два и даже по одному. Избегая непрерывных бедствий, народ переселялся в Сибирь; некоторое время она была обетованной страной России; но правительство, покровительствуя заселению этого края, неоднократно и останавливало стремление народа на девственную, плодородную, хотя и студеную ее почву. Уже в 1658 году сибирский владыка просил о прибавке земли в его домовых волостях и представлял, что народонаселение увеличилось, а земля выпахалась. Впрочем, и в Сибири солнце светит, гласит русская пословица: и там были воеводы, поборы, разметы, набеги иноземцев, моровые поветрия и неурожай.

VI

Дворы и дома

Дворы в нашей старой Руси были очень просторны. Это видно уже из того, что для предохранения от пожаров приказывали варить кушанье и печь хлеб далеко от жилых строений в городах. В старину, при великих князьях, в Москве были дворы, принадлежавшие князьям, до того огромные, что делились как уделы, и даже два князя владели одним двором. В завещании Иоанна III о дворах, данных им своим детям,

говорится о том, что в них заводили торги, и о разных судебных делах, касавшихся живущих в этих дворах: это указывает на обширность и населенность таких дворов. В XVII веке царская усадьба в Измайлове простиралась на четыре десятины. В Александровской слободе конюшенный двор занимал более девяти десятин. Велики были дворы архиереев и монастырские подворья в городах и посадах; например, в Хлынове двор владыки имел 85 саженей в длину, а поперек в переднем конце 44 и в заднем 54 сажени, да сверх того отведен был двор для его церковных детей боярских в 61 сажень в длину и 12 в ширину. Торговый двор Печерского монастыря в Вологде имел в длину 60 саженей, а поперек 8. Иногда дворы посадских, если в посаде было много места, простирались до 50 и до 60 саженей в длину. Как велики бывали в Москве дворы бояр и знатных особ, можно видеть из следующих примеров XVII века: боярский двор в длину 37 саженей без трети и поперек в одном конце – переднем – 9, а в заднем 33 сажени; другой двор (стольника) в длину 25 саженей с половиной, поперек в одном конце 19 саженей с половиной, а в другом 12 без чети. При сдаче земли под постройки загородных домов считалось достаточным на двор 20 саженей в длину и 10 в ширину. Встречались примеры усадеб гораздо меньшего пространства, как-то: 14 саженей в длину, а поперек в одном конце 13, а в другом 10. В посадах обыкновенная средняя величина усадеб была от 10 до 20 саженей в длину; встречались даже и менее, например, в 7 саженей

в длину и в 3 сажени поперек. Вообще форма дворов была неправильная, и поперечник не только не равнялся длине, но в переднем конце был иной меры, чем в заднем. Всего чаще он подходил к равной мере с длиной в городах, где ограниченность пространства не позволяла слишком широко располагаться.

Дворы по возможности старались располагать на возвышенных местах для безопасности от полоёй воды и зимних сугробов. Такое правило наблюдалось в селах и деревнях при постройке усадеб владельцев. Кругом дворы огораживались забором, иногда острым тыном или заметом. Обыкновенно эта городьба была деревянная, но в XVII веке иные делали каменные или кирпичные ограды, иногда там, где на дворе вся постройка была деревянная. Так, в Москве были усадьбы с деревянными постройками и каменными оградами. Точно так же в царском имении, в Измайловском селе, хотя постройка была деревянная, но ограда каменная со своеобразными жилыми помещениями внутри для прислуги и для хозяйственных принадлежностей. Домовитый хозяин старался оградить свою усадьбу так, чтобы через нее никакое животное не пролезло и чтобы от соседей не могли приходить слуги к его слугам. В ограду вело двое и трое (иногда более – пять или семь) ворот, и между ними одни были главные, имевшие у русских некоторого рода символическое значение. Они украшались с особенной заботливостью и делались крытые, а иногда в виде отдельного проездного

строения с надстроенными наверху башенками; сами створки украшались разными изображениями, как-то: орлов, оленей, цветов и тому подобное. Издревле существовал обычай над главными воротами городов надстраивать часовни и даже церкви: так было, в частности, в старинном Киеве, где над Золотыми воротами была сооружена церковь Благовещения. Сообразно этому обычаю, главные входы во двор получали некоторого рода священное значение; над воротами зажиточных частных людей почти всегда ставили образа в киотах. Ни в день, ни в ночь ворота не оставляли отворенными; днем они были только приперты, а ночью заперты на замок, и тогда по двору спускали с цепи собак. У самых ворот строилась караульная избушка, называемая воротней.

В самой Москве в XVI веке большая часть зданий были деревянными, и во всей столице едва можно было насчитать одну восьмую часть каменных, и те занимаемы были преимущественно кладовыми, а не жильем: никто не почитал каменных зданий удобнее деревянных для жилья. При Михаиле Федоровиче начал распространяться вкус на каменные постройки. Алексей Михайлович его поддерживал. При царском дворе существовали так называемые палатных и городских дел мастера, резчики каменных дел, не только иностранцы, но и русские, украшавшие Москву зданиями. Зажиточные люди стали строить каменные дома, или палатки, но все-таки сохраняли старинное убеждение, что в деревянных домах жить здоровее, – и сами иностранцы, посещавшие

Россию, с этим соглашались. Уже по смерти царя Алексея в 1681 году приказано было в Кремле в Китай-городе и Белом городе строить исключительно одни каменные строения, и для этого выдавали из Приказа Большого Дворца хозяевам на постройку кирпич по полтора рубля за тысячу с рассрочкой на десять лет, а тем, которые не имели средств соорудить каменные постройки, приказано делать вокруг дворов по крайней мере каменные ограды. Это была первая обязательная мера о каменных постройках в России.

Форма домов была четырехугольная. Деревянные дома делались из сосновых, иногда же из дубовых цельных брусьев. Складывали брусья с большим умением, по замечаниям иностранцев, так плотно, что не оставалось ни малейшей скважины для прохода воздуха, и притом не употребляя в целом доме ни одного гвоздя, но скрепляли брусья, положенные один сверх другого, посредством зубцов в нижнем и зарубок или выемок в верхнем, так что зубцы вставлялись в зарубки или выемки. Целые толстые брусья плотно держались между собой, а для теплоты обивали их еще мхом; мох клали также по створкам дверей и окон. Это называлось строить избу во мху, а если продавалась изба, не обитая мхом, такая изба называлась не избой, а срубом.

Особенность русского двора была та, что дома строились не рядом с воротами, а посредине от главных ворот пролегал к жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяин содержал постоянно в чистоте и наказывал слугам счи-

щать с нее грязь в дождливое летнее и сугробы в зимнее время. Вместо того чтобы по надобности строить большой дом или делать к нему пристройки, на дворе сооружали несколько жилых строений, которые имели общее название хором. Надворные постройки вообще были жилые и служебные или кладовые. Жилые носили наименования: избы, горницы, повалуши, сенники. Изба была общее название жилого строения. Горница, как показывает само слово, было строение горнее, или верхнее, надстроенное над нижним, и обыкновенно чистое и светлое, служившее для приема гостей. Название повалуши сохранилось теперь в восточных губерниях и значит кладовую, обыкновенно холодную. В старину хотя повалуши и служили для хранения вещей, но были также и жилыми покоями, неизвестно, в чем состоит их отличие от горниц, тем более что и повалуши иногда надстраивались над нижними строениями, как горницы. Сенником называлась комната холодная, часто надстроенная над конюшнями и амбарами, служившая летним покоем и необходимая во время свадебных обрядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.